

**СООБЩЕСТВА ОЛЕНЕВОДОВ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРИРОДНЫМ,
СОЦИАЛЬНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ
ЛАНДШАФТОМ**
(отв. ред. специальной темы номера –
К.В. Истомин, К.Б. Клоков)

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/41/5

**Ландшафтный подход в этнологическом и географическом
изучении оленеводства: попытка нового синтеза.
Введение к специальной теме номера**

Кирилл Владимирович Истомин¹
Константин Борисович Клоков²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
¹ kistomin@eu.spb.ru
² k.b.klokov@gmail.com

Аннотация. Вводная статья посвящена особенностям понимания и использования слова «ландшафт» в зарубежной и отечественной антропологии и географии, сначала в целом, а затем применительно к изучению ландшафтов оленеводства. Обсуждается двойственность этого термина, который может обозначать как участок территории, имеющий определенные границы, так и аспекты территории, воспринимаемые или ощущаемые человеком. Рассмотрен принцип ландшафтного холизма. Выделены характерные точки зрения о ландшафте, общие для представителей различных научных школ. При этом особое внимание уделено поиску тех общих аспектов, которые видят в ландшафте исследователи с радикально противоположными методологическими подходами. Обосновывается перспективность использования понятия «ландшафт» и сложившегося в отечественной культурной географии ландшафтного подхода в социальной антропологии. Предложены последовательные этапы антропологического изучения культурного ландшафта, в том числе для исследования ландшафтов оленеводства.

Ключевые слова: культурный ландшафт, северное оленеводство, коренные народы, методология, пространственность, локальность, историчность, уникальность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00665) «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты» (рук. – К.Б. Клоков).

Для цитирования: Истомин К.В., Клоков К.Б. Ландшафтный подход в этнологическом и географическом изучении оленеводства: попытка нового синтеза. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 77–95. doi: 10.17223/2312461X/41/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/5

Landscape Approach in Ethnological and Geographic Studies of Reindeer Herding: An Attempt of New Synthesis. An Introduction to the Special Topic of this Issue

Kirill V. Istomin¹, Konstantin B. Klokov²

^{1,2} *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *kistomin@eu.spb.ru*

² *k.b.klokov@gmail.com*

Abstract. The introductory contribution analyzes how the notion of landscape has been understood and used in western and Russian anthropology and geography. This analysis is performed first on the general level and then specifically in application to reindeer herding studies. Particular attention is paid to the duality of the landscape concept, which can refer to a territory with particular borders as well as to those aspects of this territory that are perceived by people. The notion of landscape holism is discussed. The views on landscape that are common for different scientific schools are identified. Particular attention was paid to those aspects that are common for researchers using radically different, sometimes even opposed methodological approaches. The value of the concept of landscape as well as of the landscape approach as it has developed in the Russian cultural geography for anthropological research is revealed. Successive stages of an anthropological research of cultural landscapes, including reindeer herding landscapes, are charted.

Keywords: Cultural landscape, reindeer herding, aboriginal peoples, methodology, spatiality, locality, historicity, uniqueness

Acknowledgements: The research has been funded by the Russian Science Foundation project № 22-28-00665 “Ethnocultural landscapes of Russian reindeer-herding peoples: structure and spatial contexts” (PI – K.B. Klokov).

For citation: Istomin, K.V. & Klokov, K.B. (2023) Landscape Approach in Ethnological and Geographic Studies of Reindeer Herding: An Attempt of New Synthesis. An Introduction to the Special Topic of this Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 77–95 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/5

Природные ландшафты Севера составляют природно-ресурсную основу северного оленеводства, суть которой хорошо выражается чукотской пословицей «Тундра кормит оленя, а олень кормит нас». Взаимная адаптация арктических культур, природной среды и популяций одомашненных оленей привела к формированию большого разнообразия типов оленеводства. Хотя традиционному оленеводству России посвящено

большое число работ отечественных и зарубежных ученых, этот интереснейший феномен северного пасторализма пока еще не получил научного осмысления в терминах ландшафтного подхода. Пожалуй, наиболее близким к такому подходу было «классическое» деление оленеводства на тундровое (северное) и таежное (южное), предложенное еще В.Г. Богоразом-Таном (1932). Впрочем, даже он сам не придерживался ландшафтного подхода строго: следующим шагом в его анализе оленеводства было деление как северного, так и южного оленеводства на западный и восточный варианты, различавшиеся по наличию или отсутствию пастушеской собаки, т.е. деление скорее технологическое, чем ландшафтное. Последующие попытки типологического анализа оленеводства, такие как известная классификация оленеводства Г.М. Василевич и М.Г. Левина (1951), также использовали подходы, основанные на его технологических (например, способы использования оленя под транспорт) или даже опосредованно связанных с оленеводством этнографических (тип переносного жилища, тип меховой одежды) особенностях. Примечательно, что противопоставление тундрового и лесного оленеводства оказалось гораздо более устойчивым и эвристически ценным, чем технологические классификации, по крайней мере для понимания таких основных характеристик отрасли, как размер стада, система миграций, характер адаптации к технологическим инновациям и т.д.

Вместе с тем методологический потенциал ландшафтного подхода во все не исчерпывается общим делением оленеводства по экологическим зонам. Потенциал этот определяется многозначностью самого концепта «ландшафт», который можно рассматривать как природную, социальную и культурную реальность в географическом пространстве. Это – область постоянного пересечения интересов и возможностей синтеза результатов общественных, гуманитарных и естественных наук. Культура, как активная социоформирующая сила, постоянно структурирует пространство обитания своих носителей, с одной стороны, заставляя их активно преобразовывать окружающий географический ландшафт, а с другой – формируя для них в этом ландшафте новые контексты и открывая в нем новые смыслы, которые, в свою очередь, активно влияют на культурогенез. В этом процессе, для обозначения которого известный британский антрополог Тим Ингольд предложил использовать термин *dwelling* – «заселение», водораздел между природными и социокультурными контекстами исчезает, ландшафт становится миром особых смыслов, не только ландшафтом природы, но и «ландшафтом задач», ареной и результатом совместного творчества природы и человека (Ingold 1993, 2000). Ландшафтная концепция превращается в мощный механизм географизации социальной антропологии с одной стороны, и гуманитаризации географии – с другой, а многозначность самого концепта ландшафт становится важным ресурсом ее дальнейшего развития (Калуцков 2008).

Ландшафтный подход в социальной антропологии и географии

В социальной антропологии попытки применения ландшафтного подхода – или по крайней мере адаптации в рамках этой науки понятия ландшафта – предпринимались в последние десятилетия неоднократно (Ingold 1993; Balée 2006; Hicks 2016). Некоторые из них были успешными или, по крайней мере, влиятельными¹, несмотря на то (а может и как раз благодаря тому), что понятие ландшафта, как продемонстрировал еще Ричард Хартсхорн в своем классическом труде 1939 г. (Hartshorne 1951: 149–174), было в западной науке неопределенным и полным противоречий. Ситуация в отечественной науке была иной: отечественные географы продвинулись гораздо дальше своих западных коллег в установлении единообразия в понимании и использовании термина «ландшафт». Однако хотя понятие ландшафта, снабженное различными классификаторами (культурным, этническим и т.д.), заняло центральное место в отечественной культурной географии, пересечь тонкую границу, отделяющую ее от этнографии и антропологии, это понятие так и не смогло. Исключением можно считать идеи о взаимодействии этноса и ландшафта Л.Н. Гумилёва (1989), который одновременно позиционировал себя и как этнолог, и как географ.

Причины этого, возможно, коренятся в разных семантических коннотациях термина в русском языке, с одной стороны, и основных языках западной науки (немецком, английском и французском) – с другой. Как отметил Ричард Хартсхорн, немецкое существительное *Landschaft*, как и его французский аналог *paysage*, в обиходной речи может обозначать одновременно как участок территории сам по себе, так и аспекты территории воспринимаемые (*perceived*) или ощущаемые (*experienced*) человеком (1951: 150). Разница между этими двумя значениями обыденным сознанием обычно не воспринимается, поэтому указанная многозначность неизбежно сопровождает и научное циркулирование терминов, часто порождая нелогичность и противоречивость их определений. Это в любом случае отражается на их использовании даже теми исследователями, которым удалось избежать противоречий в их определениях, сосредоточившись лишь на одном из значений. «Поэтому нам следует считать одним из достоинств [в оригинале – “благословений” (*blesses*)] нашего языка то, что в его обыденной речи [слово] “ландшафт” (*landscape*) ясно признается имеющим отношение к территории, но не обозначающим территорию» – заявляет с гордостью Хартсхорн и добавляет – уничтожить относительную ясность этого обыденного английского использования [слова] просто для того, чтобы подражать немецким географам не имеющим нашего [языкового] преимущества было бы почти что научным преступлением» (151). Добавление, несомненно, – камень в огород Карла Зауэра, чье знаменитое определение ландшафта (*landscape*) как

«территории (sic!), образованной особым сочетанием форм как физических, так и культурных (an area made up of a distinct association of forms both physical and cultural)» (Sauer 1969: 321) положило начало исследованию ландшафтов в США. Двойственность понятия «ландшафт» (Daniels 1989; Калуцков 2008) привела к путанным и противоречивым определениям, а также к неистребимому стремлению западных теоретиков ландшафта преодолеть и отменить различия между объективным и субъективным, воспринимаемым и восприятием, в том числе через упор на феноменологию. Можно спорить о недостатках и достоинствах такой двойственности, однако нельзя сомневаться, что одним из ее следствий является легкость адаптации понятия «ландшафт» в современной антропологии, которая также стремится задействовать феноменологию для разрушения грани между объективным и субъективным.

В противоположность англо-, франко- и немецкоязычной науке, в отечественной географии для обозначения ландшафта используется иноязычный термин, что, согласно В.Н. Калуцкову (2008), делает ее уникальной. Использование иноязычного термина имеет как недостатки, так и достоинства. Среди последних – отсутствие вернакулярных коннотаций: в этом смысле у российского географа больше оснований рассуждать о «благословении родного языка», чем у Хартсхорна. Разумеется, тот факт, что слово «ландшафт» имеет в немецком языке различные значения, был хорошо известен и в России. Однако понимание ландшафта как территории возобладало, по крайней мере в географических текстах, в то время как в значении воспринимаемого аспекта территории более или менее регулярно начал использоваться французский аналог немецкого «ландшафта» – *paysage* (пейзаж). Пожалуй, единственным – или по крайней мере последним – российским географом, который регулярно использовал термин «ландшафт» в его втором немецком значении, причем попеременно с термином «пейзаж», был Семенов-Тянь-Шанский (1928).

В итоге в отечественной географии установилось относительное одностороннее изображение в использовании термина. Способствовала этому также дегуманизация понятия ландшафта, которая была проведена в советской науке по идеологическим соображениям: человек стал рассматриваться как внешний по отношению к ландшафту фактор, причем влияющий на него в основном в негативном ключе. Об этом «исключении» человека из ландшафта потом часто и много сокрушались отечественные культурные географы (см., напр., Рагулина 2004). Впрочем, и в 1990-е – начале 2000-х гг., когда отечественная география снова стала «гуманизироваться», понятие ландшафта у большинства культурных географов не стало двойственным. Они сохранили приверженность пониманию ландшафта как территории, а не как восприятия территории или территории-в-связи-с-ее-восприятием, как это распространено среди западных коллег. Там, где западные коллеги говорят о ландшафте как тексте и о

символике ландшафта, отечественные культурные географы предпочитают говорить о «восприятии ландшафта как текста» и о «символическом значении ландшафта», отделяя таким образом то, что «вовне» от того, что «внутри» субъекта. Следствием такого понимания ландшафта становится, однако, его достаточно малая сопряженность с антропологическими исследованиями.

По нашему мнению, сложившееся положение далеко от идеала: ландшафтный подход – это мощный инструмент, с помощью которого антропология может ставить и решать задачи, имеющие как большое теоретическое, так и важное практическое значение. Если российская географическая школа, благодаря более последовательной трактовке понятия ландшафта, уделяла меньше внимания теоретическим дебатам и в большей степени – по сравнению с западными коллегами – сосредоточилась на сборе и анализе эмпирического материала, то и отечественная антропология может продвинуть этот подход гораздо дальше, чем пока смогли Хигс и Ингольд. Для этого, однако, нужно найти новый «ключ» к пониманию и исследованию ландшафта, объединив сильные стороны обоих школ. Речь вовсе не идет о какой-то демонстрации квасного патриотизма в отношении российской школы. Наоборот, авторы исходят из убеждения, малопопулярного, к сожалению, в последнее время, что вместе мы можем гораздо больше, чем по отдельности.

Ландшафтный холизм как методологический принцип

Суть ландшафтного подхода состоит в холистическом, комплексном и структурном рассмотрении явлений и процессов, имеющих место на определенном участке земной поверхности. Концепт культурного ландшафта включает в число таких явлений также человека и его деятельность. Однако интегральный взгляд на системы «человек–природа» присутствует и в некоторых других подходах, которые тоже видят сферу взаимодействия между сообществами людей, популяциями оленей и окружающей природой как единое целое и тоже могут быть соотнесены с определенной территорией. Такова, например, концепция этноэкологической системы, предложенная И.И. Крупником (1989). В оленеводстве такая система включает три основных компонента: сообщество оленеводов, стадо оленей и природную экосистему – пастбища.

В англоязычной литературе широко представлено аналогичное понятие – социально-экологическая система (Berkes, Colding, Folke 2003). На его базе выполнен ряд работ по изучению оленеводства в Скандинавских странах (напр., Hausner, Fauchald, Jernsletten 2012 и др.). В России такой подход был применен в исследованиях устойчивости оленеводства на Ямале, где выпас вызывает сильные сукцессии растительного покрова (Forbes 2013; Skarin et al. 2020).

В этом же русле лежит и более широкое направление – ландшафтная экология. Начав с изучения биофизических систем для решения прикладных задач, она развивалась в холистический подход, где квинтэссенцией систем «человек – окружающая среда» стали ландшафты (Bastian 2001; Angelstam, Munoz-Rojas, Pinto-Correia 2019; Wu 2021). Д. Пирсон и Д. Горман (Pearson and Gorman 2010: 1176) предложили концепцию «человеческого экологического холизма», включившую наряду с биофизическими моделями и процессами также и общественные ценности, и знания, важные для устойчивого жизнеобеспечения. Ландшафтная экология помогла создать целостную концепцию для понимания систем скотоводства в различных регионах мира (Pearson and Gorman 2010; Wu, Zhang, Liang 2015; Li, Fassnacht, Burgi 2021), однако исследования по оленеводству с использованием ее парадигмы пока редки. Здесь термин «ландшафт», со ссылкой на высказывание Тима Ингольда (1980), что окружающая среда – это не только биофизический, но и культурный ландшафт, сформированный пастухами и их стадами, стал широко использоваться лишь недавно (Skarin et al. 2020; Reindeer husbandry... 2022).

Близка к ландшафтной экологии историческая экология. В ней ландшафт также признается центральным звеном, используемым «для определения места человеческого поведения и агентства в окружающей среде». Указывается, что понятие «ландшафт» происходит из исторической географии, в отличие от понятия «экосистема», которое возникло в системной экологии. При этом историческая экология соотносится также с теорией неравновесных динамических систем (Balée 2006: 75).

Наиболее последовательный ландшафтный холизм сформировался в общественной географии, чему способствовал ее хорологический взгляд на вещи. Пространственность в нем может органически сливаться с историчностью, что было особенно характерно для французской географической школы Видаль де ля Блаша (Blache 1926). История концепта культурного ландшафта в географии детально рассмотрена в ряде работ российских (Рагулина 2004; Калуцков 2008; Кулешова, Стрелецкий 2017; Стрелецкий 2019) и, отчасти, зарубежных (Martin 2005; Cosgrove 2009) географов. Этот концепт стал многозначен, что до некоторой степени затрудняет его использование, но одновременно создает и широкое поле возможностей. В разных географических школах продолжают формироваться его различные трактовки. Отметим здесь некоторые важные для нашей темы положения.

В одной из классических трактовок, предложенной К.О. Зауэром, «культурный ландшафт создается из природного ландшафта культурной группой. Культура является агентом, природный ландшафт – средой, культурный ландшафт – результатом». Культурный ландшафт включают все произведения человека, которые его характеризуют: формы

населения, жилища, формы производства, типы использования земли и т.д. (Sauer 1963 [1925]: 342–343).

Близкий подход, в котором мир природы и мир человека не разделялись, сложился и в дореволюционной российской географии, его классиком был В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1928). В советской географии эта традиция была утеряна, а идея рассматривать человека как часть ландшафта вызвала ожесточенную дискуссию о «единой географии», которая якобы противоречила основам марксизма. Это задержало развитие теории культурного ландшафта на несколько десятилетий (одновременно спровоцировав бурное развитие ландшафтной теории в физической географии). Возвращение к холистическим взглядам на культурный ландшафт связано с трудами целого ряда российских ученых – Ю.А. Веденина (2004), В.Н. Калуцкого (2008), М.В. Рагулиной (2004), М.Е. Кулешовой и В.Н. Стрелецкого (Кулешова, Стрелецкий 2017; Стрелецкий 2019), Р.Б. Туровского (1998) и ряда других, причем каждый автор предложил свой оригинальный подход или направление. Концепт ландшафта стал одним из мощных средств гуманитаризации отечественной географии, а сама его многозначность – ресурсом для дальнейшего развития направления. Практически как синоним культурного ландшафта стал использоваться термин «этнокультурный ландшафт», в случаях, когда нужно подчеркнуть этнический аспект культурного ландшафта, например, при исследовании традиционных северных сообществ (Калуцков 2008, 2009).

Применение ландшафтных методов оказалось продуктивным и в этнической экологии (Ямсков 2003). Этому способствовало учение о хозяйственно-культурных типах – специфических культурных комплексах, складывающихся у различных народов в сходных природных условиях (Левин, Чебоксаров 1955). Оно стало прочным «мостом», связавшим этническую экологию с ландшафтно-географической средой (Ямсков 2003), хотя в последнее время термин «хозяйственно-культурные типы» употребляется редко.

Оленеводство в единстве с природной и (или) культурной средой рассматривалось во многих локальных и региональных исследованиях. Кроме уже упомянутой монографии И.И. Крупника (1989), это работы по изучению культурных ландшафтов эвенков, тофаларов и тувинцев-тоджинцев (Рагулина 2000), этнохозяйственных ареалов народов Таймыра (Клоков 1997), сравнительный анализ представлений о ландшафте у коми-ижемцев и ненцев (Istomin and Dwyer 2021). Связаны с ландшафтным подходом также понятие о региональных системах оленеводства (Истомин, Лискевич, Уляшев 2017), микрорегиональный подход к изучению кочевого оленеводства на Ямале А.Н. Терехиной и А.И. Волковицкого (2020) и ряд других работ. Хотя сам концепт ландшафта был акцентирован не во всех этих работах, ландшафтный холизм выражен в них вполне очевидно.

Характерные черты ландшафта как предмета исследования в социальной антропологии и географии

Прежде, чем перейти к обсуждению возможностей изучения ландшафтов в оленеводстве, полезно обобщить те черты ландшафта как предмета изучения, которые присутствуют в большом числе работ по нему. При этом особый интерес представляет то общее, что видят в ландшафтах исследователи, пользующиеся радикально противоположными определениями и подходами. Такой анализ способен пролить свет на то, для чего собственно исследователи используют понятие «ландшафт», почему они предпочитают именно этот термин для обозначения объекта изучения. По нашему мнению, таких общих черт можно выделить четыре.

А. Ландшафт локален. Каждый ландшафт имеет определенное место на поверхности земли, причем только одно место. При этом, согласно распространенному в отечественной географии мнению, однозначно определить границы культурного ландшафта (как, впрочем, и природного) невозможно, поскольку территориальная структура его различных компонентов различна. В.Н. Калуцков (2008) нашел выход из этого затруднения, определив культурный ландшафт как природно-культурный комплекс, освоенный конкретным сообществом людей. Границы освоенных территорий могут быть подвижны во времени, но при этом четко фиксируются в пространстве.

В западной науке есть достаточно много исследователей, которые по уже изложенным нами выше причинам либо отрицают наличие у ландшафта границ в принципе (напр., Ingold 1993), либо утверждают, что вопрос о его границах не имеет смысла (напр., Balée 2006). Тем не менее даже эти исследователи настаивают на привязке ландшафта к определенному месту, т.е. признают локальность ландшафта.

Б. Ландшафт идиосинкратичен (единичен как объект описания/исследования). Каждый ландшафт уникален, отличен от других и может представлять собой отдельный объект исследования. Это, разумеется, не мешает категорировать ландшафты по объективным признакам и говорить о типах ландшафтов (напр., ландшафты тундровые, антропогенные, урбанистические или ландшафты оленеводства). Для западных исследователей, мыслящих ландшафт не только как территорию, но и как объект восприятия, его идиосинкратичность непосредственно следует из такого понимания.

В. Ландшафт образуется уникальным сочетанием нелокальных и неидеосинкретичных элементов (объектов и процессов). Как уже было отмечено, Карл Зауэр, один из основателей англоязычной теории ландшафта, считал, что в его основе лежит «уникальное сочетание форм, как физических, так и культурных» (1969: 321). Понимание ландшафта отечественными географами как территориального природного (позже не

только природного) комплекса отражает, в принципе, ту же мысль. Даже те западные специалисты, кто последовательно связывает ландшафт с восприятием, указывают, что уникальность этого восприятия (определяющая и уникальность ландшафта) задается особым комплексом воспринимаемых элементов или, как говорил Хартсхорн (1951: 162–165), поверхностей и текстур, отражающих физические объекты, явления и процессы (например, сезонность). Важно подчеркнуть, что элементы ландшафта, будь то физические объекты или процессы (давайте, вопреки советам философов, сохраним разницу между ними), не являются ни локальными, ни единичными, их можно встретить либо по всей земле (горы, озера, реки, ветра, осадки, процессы испарения и т.д.), либо по крайней мере в пределах территории, значительно превышающей по размерам ландшафт (растительность какого-то типа, определенный тип жилищ, человеческой деятельности и т.д.). Ландшафт создается как нечто местное и отличное от других ландшафтов именно сочетанием этих элементов. Более того, ландшафт как объект анализа определяется именно тем, какие элементы мы выбираем как его составляющие. Например, конкретный оленеводческий ландшафт определяется сочетанием трех основных элементов: оленеводов, оленей и пастбищ. Он отличается от других оленеводческих ландшафтов тем, как эти элементы, присущие всем ландшафтам оленеводства, сочетаются между собой.

Г. Ландшафт историчен. Этот аспект его изучения, характерный для ряда географических школ начала XX в., например, для школы Видаль де ля Блаша (1926), практически отсутствовал в отечественном ландшафтоведении. Лишь в конце 1970-х гг. человек и его деятельность были «допущены» в ландшафтные исследования как образующие ландшафт элементы. На Западе, однако, этот аспект во второй половине XX в. привлекал все больше и больше внимания, пока к началу нашего столетия не стал чуть ли не главным и наиболее обсуждаемым, особенно в антропологических исследованиях. Важнейшими вехами на этом пути стали работы Пирса Льюиса с его знаменитым замечанием, что «ландшафт – это наша невольная автобиография» (Lewis 1976: 6; 1979) и написанная под их влиянием Марвином Самуэльзом «Биография ландшафта» (Samuels 1979). Обе работы формализуют взгляд на «культурный» ландшафт как на кумулятивный продукт человеческой деятельности в окружающей среде, происходившей на протяжении долгого времени и неоднократно менявшей свой характер. Ландшафт может быть «прочитан» как документ, фиксирующий историю взаимоотношения человека со средой (отсюда и интерес к ландшафтам у западных археологов). Этот взгляд стал доминирующим и даже «общим местом», так что Ингольд, например, цитирует его без ссылок. Позже взгляд на ландшафт как на кумулятивный продукт истории взаимоотношения его элементов был расширен и на природные компоненты ландшафтов. Так, Анна Цин

утверждает, что существует целый класс феноменов, которые являются не проявлением природных или иных закономерностей, а следствием более или менее случайных встреч и взаимодействий (encounters and interactions) объектов, процессов и сил, имеющих кумулятивный эффект. Одним из таких феноменов как раз и является «локальный ландшафт», что и придает ему уникальность (Tsing 2015: 151–163). Тут надо особо подчеркнуть связь историчности с уникальностью. Посредством нее ландшафт предстает уже не просто уникальным сочетанием элементов, а продуктом уникальной локальной истории их взаимодействия, иногда краткой, но чаще всего достаточно долгой. Такое смещение взгляда объясняет, как сочетание даже небольшого числа элементов (например, трех элементов оленеводства) может породить большое количество уникальных ландшафтов.

Обобщая четыре рассмотренных аспекта, мы видим, что ландшафт понимается современными западными географами, археологами и антропологами как уникальный продукт, порожденный локальной историей взаимодействия между набором природных и (или) антропогенных элементов, включающих как материальные объекты, так и процессы, и силы. При этом не всегда ясно, соотносится ли этот уникальный продукт с территорией, имеющей границы, или же с какими-то ее аспектами, к которым понятие границ неприменимо.

Указанное понимание ландшафта позволяет связать ограниченные в пространстве, единичные, уникальные объекты с глобальными процессами и закономерностями. Ландшафт таким образом становится мостиком от частного к общему, от описания к пониманию и объяснению. Антропология испытывает потребность в таком мостике не в меньшей степени, чем география, и поскольку антропология обычно имеет дело с локальными, ограниченными в пространстве комплексами, объединяющими людей, материальные природные и произведенные людьми объекты, природные и институционализированные в человеческих коллективах процессы, то понятие ландшафта в указанном виде вполне может найти применение и в ней. Поэтому мы предлагаем взять это понимание в качестве определения ландшафта, уточнив, что – как принято в российской географии – соотноситься оно должно именно с территорией.

Последовательность изучения культурного ландшафта

Исходя из изложенного выше понимания ландшафта, наметим и последовательность исследовательских действий, соотносимую с ландшафтным подходом. Разумеется, начинаться она должна с определения интересующего нас типа ландшафта, который, в свою очередь, задается набором тех элементов, уникальные, исторически обусловленные

локальные сочетания которых мы надеемся выявить, описать и объяснить (в случае оленеводства – это люди, олени и пастбища).

Второй шаг – выявление ландшафтов, их описание, выяснение их границ и пространственных соотношений друг с другом. Наиболее точный и непосредственный путь осуществить этот шаг – полевая работа, в ходе которой различные типы связей и взаимовлияний между интересующими нас элементами устанавливаются «на месте» путем наблюдения, интервью или опроса. Однако для больших территорий этот путь может оказаться слишком трудоемким. В этом случае для выявления ландшафтов можно задействовать прокси-переменные, т.е. такие переменные, значения которых в различных географических местностях нам известны и которые, как мы можем предположить, принимают различные значения при различных сочетаниях и состояниях ландшафтообразующих элементов либо связаны с различиями в истории их взаимодействия. Так, в случае оленеводческих ландшафтов в качестве таких прокси-переменных могут использоваться природная зональность (очевидно, что характеристики пастбищ и их роль в связке человек–олень–пастбище зависят от того, в какой природной зоне они находятся), система кочевания, соотношение между численностью оленей и оленеводов, базовые технологические характеристики (размеры стад, наличие или отсутствие пастушеской собаки и др.).

Природная зональность и наличие собаки, как известно, легли в основу территориальной типологии оленеводства, предложенной В.Г. Богоразом-Таном (1932, 1933), ставшей, по нашему мнению, первой попыткой наметить оленеводческие ландшафты, пусть и грубой, но не утратившей своего значения до сих пор. В качестве прокси-переменных могут выступать и биологические характеристики оленей (их порода, экстерьер), влияющие на их взаимодействия с пастбищами и оленеводами, а также язык, культура и этническая идентификация оленеводов, поскольку территориальные различия между оленеводами по этим параметрам могут отражать историю их взаимодействия с оленями и пастбищами. В целом использование прокси-переменных, особенно если их несколько и они относятся к разным ландшафтообразующим элементам (например природная зона, система кочевания, технология выпаса, порода оленей, этническая принадлежность оленеводов), позволяет получить достаточно детальное представление о том, как искомые ландшафты могут распределяться по территории, и об их количестве. Отметим, что полученные таким образом результаты остаются предположением, которое требует проверки методами полевого исследования. Результатом второго шага применения ландшафтного подхода должна стать карта распределения ландшафтов данного типа в пределах выбранного региона исследования (см. статью К.Б. Клокова в этом номере журнала).

Наконец, третьим шагом ландшафтного исследования должно стать объяснение своеобразия выделенных на втором шаге индивидуальных ландшафтов. Оно вытекает из тезиса об историчности ландшафта как источнике его своеобразия. Это построение исторического нарратива с описанием особенностей локальной истории взаимодействия между ландшафтообразующими элементами, породившей наблюдающееся в настоящий момент особенное их сочетание. Построить такой нарратив несложно, если развитие ландшафта как-то задокументировано в исторических источниках. Однако для большинства ландшафтов, особенно в их «нечеловеческой» части, таких источников нет. Это заставляет исследователя опираться на сравнительный метод, устную историю, археологию ландшафтов и т.д. Безусловно, задача построения таких нарративов не проста, ее методологию еще предстоит разработать.

Если вторая задача выполняется географическими методами, то третья вполне может стать темой антропологического исследования. Его возможный результат – понимание того, как глобальные феномены предстают перед нами во множестве локальных форм и как эти формы связаны между собой – задача, безусловно, имеющая огромную теоретическую и практическую значимость. В следующих статьях сделана попытка проиллюстрировать применение описанного выше подхода на примере исследования оленеводческих ландшафтов Российской Арктики от Кольского полуострова до Чукотки.

* * *

К настоящему времени у антропологов-исследователей северного оленеводства накопился значительный объем «привязанных» к конкретным территориям полевых и архивных материалов, которые могут быть систематизированы и осмыслены с точки зрения ландшафтной концепции.

Задача предлагаемой нами тематической подборки статей – расширить и углубить теоретические и методологические знания о региональных аспектах оленеводства, показав связи сообществ оленеводов с обжитыми ими ландшафтами.

Тематическую подборку открывает статья К.Б. Клокова с выполненной в традициях российской ландшафтно-географической школы обзорной картой типологического районирования оленеводческих ландшафтов и анализом основных тенденций изменения поголовья оленей по единицам этого районирования. Затем К.В. Истомин в своей статье, написанной по материалам, собранным им в тундрах Западной Сибири и Европейской части России, показывает, как взаимодействие между оленеводами, оленями и пастбищами формирует оленеводческий ландшафт, изменяя в нем состав и распространение типов растительности и добавляя в него новые инфраструктурные элементы (миграционные

тропы – взрگی). Как такой измененный ландшафт оказывает обратное влияние на людей и оленей, вызывая и закрепляя у тех и других устойчивые модели поведения. В результате создается местный, неповторимый, «вписанный» в данный ландшафт тип оленеводства, отличающийся от оленеводства других регионов.

В статье А.И. Волковицкого и А.Н. Терёхиной проанализированы паттерны кочевого движения оленеводов полуострова Ямал. Авторы разработали собственный подход, названный ими микрорегиональным. По сути – это тот же ландшафтный подход, речь о котором шла выше. В их статье показано, как различные факторы региональной среды (качество сезонных пастбищ, последствия изменения климата, развитие промышленно-транспортной инфраструктуры, социальные сети кочевых хозяйств и др.), влияют на динамику летних и зимних участков меридиональных кочевых маршрутов.

Статья В.Н. Давыдова и В.В. Бобровой представляет собой сделанную на основе полевых материалов этнографическую «зарисовку» двух разделенных административной границей, но тесно связанных друг с другом оленеводческих ландшафтов. Один из них расположен в Красноярском крае на востоке Таймыра, а другой на северо-западе Якутии (Анабарский улус).

Статья А.А. Ярзуткиной фокусируется на изменении социального ландшафта оленеводов одного из совхозов на Чукотке в позднесоветское время. Основываясь на архивных материалах совхоза «Энмитагино», анализе текста дневниковых записей одного из оленеводов и интервью с другими, автор поднимает ряд вопросов, связанных с изменениями в повседневной жизни оленеводов, в первую очередь маршрутов кочевания, и понимания традиционности окружающего мира. Показано, что социальный ландшафт оленеводства начал меняться еще до начала глубоких трансформаций северного хозяйства, связанных с приватизацией и распадом совхозов.

Методологический принцип всех этих исследований – холистический взгляд на оленеводство и связанные с ним ландшафты как на пространственно-временной феномен, социальную, хозяйственную, культурную реальности, образ жизни населения, связывающие социум с конкретным участком географической среды.

Примечание

¹ Так, например, статья Тима Ингольда 1993 г. перепечатывалась несколько раз, в том числе в качестве главы его, как считается, основного труда «The Perception of Environment» (Ingold 2000) и нескольких сборников текстов по антропологической и археологической теории для студентов (Hicks 2016).

Список источников

Богораз-Тан В.Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // Советская этнография. 1932. № 4. С. 26–62.

- Богораз-Тан В.Г.* Оленеводство. Возникновение, Развитие и Перспективы // Проблемы происхождения домашних животных. Труды Лаборатории Генетики АН СССР. Л.: Изд. АН СССР, 1933. С. 219–251.
- Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
- Веденин Ю.А.* Введение в проблему культурно-ландшафтного районирования // Культурный ландшафт как объект наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 335–337.
- Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Истомин К.В., Лискевич К.В., Уляшев О.И.* Коми-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 114–125.
- Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
- Калуцков В.Н.* О ландшафтных перспективах этнической экологии (по работам В.И. Козлова) // Этнос и среда обитания. Т. 1: Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В. И. Козлова. М.: Старый сад, 2009. С. 32–44.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
- Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н.* Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. М.: Ин-т географии РАН, 2017. С. 313–329.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Рагулина М.В.* Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
- Рагулина М.В.* Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
- Стрелецкий В.Н.* Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 48–78.
- Терехина А.Н., Волковицкий А.И.* Паттерны использования ресурсов кочевниками Ямала: этнография микрорегионов // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. М.: Восточная литература, 2020. С. 87–113.
- Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.
- Ямсков А.Н.* Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: изд. МГУ, 2003. С. 62–77.
- Angelstam P., Munoz-Rojas J., Pinto-Correia T.* Landscape concepts and approaches foster learning about ecosystem services // Landscape Ecology. 2019. № 34. P. 1445–1460.
- Balée W.* The research program of historical ecology // Annual Review of Anthropology. 2006. № 35. P. 75–98. doi: 10.1146/annurev.anthro.35.081705.123231
- Bastian O.* Landscape Ecology – towards a unified discipline? // Landscape Ecology. 2001. № 16. P. 757–766.
- Berkes F., Colding J., Folke C.* (Eds.). Navigating social-ecological systems. Cambridge: Univ. Press, 2003.
- Blache P. Vidal de la.* Principles of Human Geography. N.Y.: Henry Holt and Co, 1926.
- Cosgrove D.E.* Cultural landscape // The Dictionary of Human Geography. 5th ed. Blackwell Publishing Ltd., 2009. P. 133–134.
- Daniels S.* Marxism, Culture, and the Duplicity of Landscape // New Models in Geography. London: Unwin Hyman, 1989. Vol. 2. P. 196–220.
- Forbes B.C.* Cultural resilience of social-ecological systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: a focus on reindeer nomads of the tundra // Ecology and Society. 2013. № 18 (4). P. 36.

- Hartshorne R. The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past. Lancaster: The Science Press, 1951.
- Hausner V.H., Fauchald P., Jernsletten J.-L. Community-Based Management: Under What Conditions Do Sa' mi Pastoralists Manage Pastures Sustainably? // PLoS One. 2012. № 7 (12): e51187. doi: 10.1371/journal.pone.0051187
- Hicks D. The Temporality of the Landscape Revisited // Norwegian Archaeological Review. 2016. № 49 (1). P. 5–22. doi: 10.1080/00293652.2016.1151458
- Ingold T. Hunters, Pastoralists and Ranchers: Reindeer Economics and Their Transformations. New York: Cambridge University Press, 1980.
- Ingold T. The temporality of the landscape // World Archaeology. 1993. № 25 (2). P. 152–174.
- Ingold T. The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling & skill. London: Routledge, 2000.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. Reindeer herder's thinking: A comparative research of relations between economy, cognition and way of life. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021.
- Klokov K.B. Northern reindeer of Taymyr Okrug as the focus of economic activity: Contemporary problems of reindeer husbandry and the wild reindeer hunt // Polar Geography. 1997. № 21 (4). P. 233–271.
- Lewis F.P. Axioms of the Landscape: Some Guides to the American Scene // Journal of Architectural Education. 1976. № 30 (1). P. 6. doi: 10.2307/1424390
- Lewis F.P. Axioms for Reading the Landscape // The Interpretation of Ordinary Landscapes / ed. by D.W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 11–32.
- Li L., Fassnacht F.E., Burgi M. Using a landscape ecological perspective to analyze regime shifts in social–ecological systems: a case study on grassland degradation of the Tibetan Plateau // Landscape Ecology. 2021. № 36. P. 2277–2293. doi: 10.1007/s10980-021-01191-0
- Martin G.J. All possible worlds: a history of geographical ideas. 4th edn. Oxford University Press, 2005.
- Pearson D.M., Gorman J.T. Exploring the relevance of a landscape ecological paradigm for sustainable landscapes and livelihoods: A case application from the Northern Territory Australia // Landscape Ecology. 2010. № 25. P. 1169–1183.
- Reindeer husbandry and global environmental change pastoralism in Fennoscandia / eds. by Tim Horstkotte, Oystein Holand, Jouko Kumpula and Jon Moen. London; New York: Routledge, 2022.
- Samuels M.S. The Biography of Landscape. Cause and Culpability // The Interpretation of Ordinary Landscapes / ed. by D.W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 51–88.
- Sauer C.O. The morphology of landscape. Reprinted in J. Leighly (Ed.): Land and life: selections from the writings of Carl Ortwin Sauer. Berkeley, CA: University of California Press, 1969 [1925]. P. 315–350.
- Skarin A., Verdonen M., Kumpula T., Macias-Fauria M., Alam M., Kerby J., Forbes B.C. Reindeer use of low Arctic tundra correlates with landscape structure // Environmental Research Letters. 2020. № 15, 115012.
- Tsing A.L. The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins. Princeton: Princeton University Press, 2015.
- Wu J., Zhang O., Liang A.L.C. Historical landscape dynamics of Inner Mongolia: patterns, drivers, and impacts // Online Landscape Ecology. 2015. doi: 10.1007/s10980-015-0209-1
- Wu J. Landscape sustainability science (II): core questions and key approaches // Online Landscape Ecology. 2021. doi: 10.1007/s10980-021-01245-3

References

- Angelstam P., Munoz-Rojas J., Pinto-Correia T. (2019) Landscape concepts and approaches foster learning about ecosystem services, *Landscape Ecology*, no. 34, pp. 1445–1460.

- Balée W. (2006) The research program of historical ecology, *Annual Review of Anthropology*, no. 35, pp. 75–98. doi: 10.1146/annurev.anthro.35.081705.123231
- Bastian O. (2001) Landscape Ecology – towards a unified discipline? *Landscape Ecology*, no. 16, pp. 757–766.
- Berkes F., Colding J., Folke C. (Eds.) (2003) *Navigating social-ecological systems*. Cambridge: Univ. Press.
- Blache P. Vidal de la (1926) *Principles of Human Geography*. N.Y.: Henry Holt and Co.
- Bogoraz-Tan V.G. (1932) Severnoye olenevodstvo po dannym khozyaystvennoy perepisi 1926–1927 gg. [Northern reindeer husbandry according to the economic census of 1926–1927], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 26–62.
- Bogoraz-Tan V.G. (1933) Olenevodstvo. Vozniknovenie, Razvitie i Perspektivy [Reindeer husbandry. Origin, Development and Prospects]. In: *Problemy proiskhozhdeniya domashnih zhivotnyh. Trudy Laboratorii Genetiki AN SSSR* [Problems of the origin of domestic animals. Proceedings of the Laboratory of Genetics of the Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 219–251.
- Cosgrove D.E. (2009) Cultural landscape. In: *The Dictionary of Human Geography*, 5th ed. Blackwell Publishing Ltd., pp. 133–134.
- Daniels S. (1989) Marxism, Culture, and the Duplicity of Landscape. In: *New Models in Geography*. Vol. 2. London: Unwin Hyman, pp. 196–220.
- Forbes B.C. (2013) Cultural resilience of social-ecological systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: a focus on reindeer nomads of the tundra, *Ecology and Society*, no. 18 (4): p. 36.
- Gumilev L.N. (1989) *Ethnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of Earth]. Leningrad, Izd-vo LGU.
- Hartshorne R. (1951) *The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past*. Lancaster: The Science Press.
- Hausner V.H., Fauchald P., Jernsletten J.-L. (2012) Community-Based Management: Under What Conditions Do Sa'ami Pastoralists Manage Pastures Sustainably? *PLoS One*, no. 7 (12): e51187. doi: 10.1371/journal.pone.0051187
- Hicks D. (2016) The Temporality of the Landscape Revisited, *Norwegian Archaeological Review*, no. 49 (1), pp. 5–22. doi: 10.1080/00293652.2016.1151458
- Ingold T. (1980) *Hunters, Pastoralists and Ranchers: Reindeer Economics and Their Transformations*. New York: Cambridge University Press.
- Ingold T. (1993) The temporality of the landscape, *World Archaeology*, no. 25 (2), pp. 152–174.
- Ingold T. (2000) *The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling & skill*. London: Routledge.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. (2021) *Reindeer herder's thinking: A comparative research of relations between economy, cognition and way of life*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.
- Istomin K.V., Liskevich K.V., Ulyashev O.I. (2017) Komi-izhenskoe olenevodstvo: etnicheskie invarianty i lokalnye variatsii [Izhma-Komi Reindeer Herding: Ethnic Invariants and Local Variations], *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (39), pp. 114–125.
- Kaluckov V.N. (2008) *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow: Novyj hronograf.
- Kaluckov V.N. (2009) O landshaftnykh perspektivah etnicheskoy ekologii (po rabotam V.I. Kozlova) [On Landscape Perspectives of Ethnic Ecology (Based on the Works of V.I. Kozlov)]. In: *Etnos i sreda obitaniya. T. 1: Sbornik etnoekologicheskikh issledovanij k 85-letiyu V.I. Kozlova* [Ethnos and habitat. Vol. 1: Collection of ethno-ecological studies dedicated to the 85th anniversary of V.I. Kozlov]. Moscow: Staryi sad, pp. 32–44.

- Klokov K.B. (1997) Northern reindeer of Taymyr Okrug as the focus of economic activity: Contemporary problems of reindeer husbandry and the wild reindeer hunt, *Polar Geography*, no. 21 (4), pp. 233–271.
- Klokov K.B. (1997) Northern reindeer of Taymyr Okrug as the focus of economic activity: Contemporary problems of reindeer husbandry and the wild reindeer hunt. *Polar Geography*, no. 21 (4), pp. 233–271.
- Krupnik I.I. (1989) *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic Ethnoecology]. Moscow: Nauka.
- Kuleshova M.E., Streleckiy V.N. (2017) Formirovanie i evolyuciya predstavleniy o kulturnom landshafte [Formation and evolution of ideas about the cultural landscape]. In: *V fokuse naslediya* [Focus on heritage]. Moscow: In-t geografii RAN, pp. 313–329.
- Levin M.G., Cheboksarov H.H. (1955) Hozyajstvenno-kulturnye tipy i istoriko-kulturnye oblasti [Economic types and Cultural areas], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 3–17.
- Lewis F.P. (1976) Axioms of the Landscape: Some Guides to the American Scene, *Journal of Architectural Education*, no. 30 (1), p. 6. doi: 10.2307/1424390
- Lewis F.P. (1979) Axioms for Reading the Landscape. In: *The Interpretation of Ordinary Landscapes* / Ed. D.W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, pp. 11–32.
- Li L., Fassnacht F.E., Burgi M. (2021) Using a landscape ecological perspective to analyze regime shifts in social–ecological systems: a case study on grassland degradation of the Tibetan Plateau, *Landscape Ecology*, no. 36, pp. 2277–2293.
- Martin G.J. (2005) *All possible worlds: a history of geographical ideas*. 4th ed. Oxford University Press.
- Pearson D.M., Gorman J.T. (2010) Exploring the relevance of a landscape ecological paradigm for sustainable landscapes and livelihoods: A case application from the Northern Territory Australia, *Landscape Ecology*, no. 25, pp. 1169–1183.
- Ragulina M.V. (2000) *Korennyye etnosy sibirskoy tajgi: motivaciya i struktura prirodopolzovaniya (na primere tofalarov i evenkov Irkutskoy oblasti)* [Indigenous ethnic groups of the Siberian taiga: motivation and structure of nature management (on the example of the Tofalars and Evenks of the Irkutsk region)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
- Ragulina M.V. (2004) *Kulturnaya geografiya: teoriya, metody, regionalnyj sintez* [Cultural Geography: Theory, Methods, Regional Synthesis]. Irkutsk: Izdatelstvo Instituta geografii SO RAN.
- Reindeer husbandry and global environmental change pastoralism in Fennoscandia* / Eds. Tim Horstkotte, Oystein Holand, Jouko Kumpula and Jon Moen. London and New York: Routledge, 2022.
- Samuels M.S. (1979) The Biography of Landscape. Cause and Culpability. In: *The Interpretation of Ordinary Landscapes* / Ed. D.W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, pp. 51–88.
- Sauer C.O. (1969 [1925]) The morphology of landscape. Reprinted in J. Leighly (Ed.): *Land and life: selections from the writings of Carl Ortwin Sauer*. Berkeley, CA: University of California Press, pp. 315–350.
- Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. (1928) *Rajon i strana* [Region and country]. Moscow-Leningrad: Gos. izdatelstvo.
- Skarin A., Verdonen M., Kumpula T., Macias-Fauria M., Alam M., Kerby J., Forbes B.C. (2020) Reindeer use of low Arctic tundra correlates with landscape structure, *Environmental Research Letters*, no. 15, 115012. doi: 10.1088/1748-9326/abbf15
- Streleckiy V.N. (2019) Koncept kulturnogo landshafta v mirovoy kulturnoy geografii: nauchnye istoki i sovremennyye interpretacii [Concept of Cultural Landscape in Cultural Geography: Scientific Background and Contemporary Interpretations]. *Chelovek: obraz i sushchnost. Gumanitarnyye aspekty*, no. 1 (36), pp. 48–78.
- Terekhina A.N., Volkovickiy A.I. (2020) Patterny ispolzovaniya resursov kochevnikami Yamala: etnografiya mikroregionov [Patterns of Resource Use by Nomads of Yamal: Ethnography of Micro-regions]. In: *Energiya Arktiki i Sibiri: ispolzovanie resursov v kontekste socialno-ekonomicheskikh izmeneniy* [Energy of the Arctic and Siberia: The Use

- of Resources in the Context of Socio-Economic Changes] / Ed. by V.N. Davydov. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 87–113.
- Tsing A.L. (2015) *The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins*. Princeton: Princeton University Press.
- Turovskiy R.F. (1998) *Kulturnye landshafty Rossii* [Cultural Landscapes of Russia]. Moscow: Institut Naslediya.
- Vasilevich G.M., Levin M.G. (1951) Tipy olenevodstva i ikh proiskhozhdeniye [Types of reindeer husbandry and their origin], *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 63–87.
- Vedenin Yu.A. (2004) Vvedeniye v problemu kulturno-landshaftnogo rayonirovaniya [Introduction to the problem of cultural and landscape zoning]. In: *Kulturnyy landshaft kak ob'yekt naslediya* [Cultural landscape as a heritage site]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 335–337.
- Wu J. (2021) Landscape sustainability science (II): core questions and key approaches, *Online Landscape Ecology*. doi: 10.1007/s10980-021-01245-3
- Wu J., Zhang O., Liang A.L.C. (2015) Historical landscape dynamics of Inner Mongolia: patterns, drivers, and impacts, *Online Landscape Ecology*. doi: 10.1007/s10980-015-0209-1
- Yamskov A.N. (2003) Etnoekologicheskie issledovaniya kultury i koncepciya kulturnogo landshafta [Ethnoecological studies of culture and the concept of cultural landscape]. In: *Kulturnyj landshaft: teoreticheskie i regionalnye issledovaniya* [Cultural Landscape: Theoretical and Regional Studies]. Moscow: Izd. MGU, pp. 62–77.

Сведения об авторах:

ИСТОМИН Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

КЛОКОВ Константин Борисович – доктор географических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kirill V. Istomin, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kistomin@eu.spb.ru

Konstantin B. Klokov, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 июля 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*